

ЕКАТЕРИНА СТЕПАНОВА

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ГЛОБАЛЬНОГО ДЖИХАДА

В последние годы много пишут о распространении сетевых форм организации различных «антисистемных» игроков, включая террористические группировки. В качестве «образцовой» террористической сети исследователи рассматривают «Аль-Каиду» и транснациональное джихадистское движение вообще, мощным импульсом для развития которого послужили идеология и деятельность этой организации. Среди политологов популярно противопоставление так называемого *старого* терроризма (группировок традиционного иерархического типа) *новому* (сетевому) терроризму.

Такое жесткое противопоставление вызывает сомнения. В мире существует ряд гибридных или комбинированных форм терроризма, одним из важных и опасных примеров которого является, например, джихадистское движение. Хотя само оно в организационном смысле быстро меняется, сегодня накоплен достаточный материал для построения версии целостного объяснения особенностей джихадистского движения, которое развивается одновременно и в исторически нетипичных для него сетевых, и в традиционных иерархических формах.

1

Выявление, конструирование форм и моделей организации и организационного поведения — задачи, решению которых посвящены так называемые *организационные исследования* или *теории организаций*. Изначально эти исследования бурно развивались в экономической сфере: еще в

1970-е годы основное внимание уделялось противопоставлению «рыночных» и «иерархических» моделей. Но постепенно теории организаций вышли за рамки экономической перспективы. Все больший интерес к ним стали проявлять социологи и политологи, а классификация организационных форм и моделей пополнилась такими понятиями, как «кланы», «ассоциации» и «сети». На нынешнем этапе основные дискуссии ведутся вокруг распространения сетевых форм организации и определенного «структурного сдвига» от иерархий к сетям.

В исследовании структурно-организационных форм современного терроризма наибольшее распространение получила *теория «организационных сетей»*, которую разрабатывали американские социологи Мануэль Карлос Кастельс, Джон Аркийя, Дэвид Ронфелдт и некоторые другие ученые¹. В рамках этого подхода сеть рассматривается как особый тип организации, вызревающий в условиях развитых коммуникаций. Именно в них сеть имеет преимущества перед другими организационными формами.

Однако для того, чтобы структура функционировала как сеть, недостаточно лишь «механических» горизонтальных связей между ее составными элементами. Для сетевой организации обязательно, чтобы ее элементы (звенья, узлы) «отдавали себе отчет» в своей сетевой принадлежности — воспринимали себя частью более широкой системы связей и были готовы действовать как сеть. Поэтому с точки зрения теории «организационных сетей»,

главная характеристика любой сетевой организации — ее неиерархический, децентрализованный характер.

В отличие от теории «организационных сетей» социологическая теория «социальных сетей» изучает взаимосвязи между социальными акторами, а также те общественные структуры, которые возникают на основе подобных отношений. В рамках этого подхода сеть рассматривается не как особая организационная форма, а как система социальных взаимосвязей. В этом смысле разграничение между неформальной «сетью» и формальной «организацией» любого типа не менее важно, чем противопоставление сетевых и иерархических форм организации². Любая, даже сильно децентрализованная «организация» (особенно достаточно крупная) нуждается хотя бы в минимальном наборе иерархических характеристик. Напротив, «сеть» в принципе лишена центрального руководящего звена и институционализированных отношений подчинения³. Хотя участники сети взаимосвязаны, они автономны и не подчиняются ничьим приказам.

Имея в виду оба этих теоретических подхода, сконцентрируем внимание на четырех моментах, связанных с сетевыми характеристиками современных негосударственных, в том числе террористических, организаций.

Во-первых, общая тенденция к распространению сетевых форм организации, наиболее ярко выраженная в сфере негосударственных отношений, характерна для организаций самых разных типов, целей и направленности — от вооруженных игроков террористического и криминального характера до активистов гражданского общества. Всемирное движение антиглобалистов⁴ — не менее типичный пример антисистемной сети, чем вдохновленное «Аль-Каидой» джихадистское движение. Поэтому повышенное внимание к использованию сетевых форм организации террористическими, криминальными и другими подпольными структурами заведомо дает несколько одностороннюю картину, высвечивая «негативный» и зате-

няя «позитивный» потенциал сетевых структур. К тому же несравнимо более прозрачный, открытый характер международных неправительственных движений и ассоциаций (включая такие масштабные, как Международная кампания по запрету противопехотных мин) дает гораздо больше возможностей для анализа современных форм сетевой организации, чем «непрозрачные» террористические или криминальные группировки.

Во-вторых, независимо от теоретического подхода ни противопоставление иерархий сетям, ни противопоставление неформальных децентрализованных сетей формальным организациям в реальности не являются жесткими. Большинство реальных структур, в том числе террористических, носит смешанный характер. Структуры гибридного типа складываются органически, путем естественного приспособления к условиям существования, а не в результате сознательной политики. При этом грань между сильно децентрализованной организацией и хорошо связанной сетью может быть весьма размытой, а децентрализованная организация (наподобие ранней «Аль-Каиды») впоследствии может стать полноценной сетью.

В-третьих, при всем внимании, которое уделяется сетевым характеристикам современных транснациональных «супертеррористических» сетей исламистского джихадистского движения, было бы ошибкой отождествлять с сетевыми структурами только новейший феномен так называемого супертерроризма и полностью отвергать наличие сетевых элементов у террористических группировок более локального уровня и более традиционных типов. Сетевые элементы и характеристики не являются исключительной монополией супертеррористических сетей — они в определенной степени были характерны и становятся все более актуальными для целого ряда гибридных (иерархически-сетевых) локально-региональных группировок, цели которых не выходят за рамки конкретного вооруженного конфликта или национального контекста (ИРА,

«Сендеро Люминосо», ХАМАС или «Бригады мучеников Аль-Аксы»). Подзабыт факт, что первое обоснование сегментированной сетевой повстанческой войны было дано еще в 1960-е годы бразильским революционером, автором концепции «городской герильи» Хуаном Карлосом Маригеллой. Последний призывал создавать автономные группы, связанные друг с другом и с центром не столько организационно, сколько идеологически, и предупреждал об опасности излишней централизации и иерархизации. Распространенная тактика массированного прорыва путем концентрации множества рассеянных ячеек (swarming) характерна и для локальных вооруженных акций террористически-партизанского типа. Северокавказские боевики, например, используют ее в не меньшей степени, чем проводящие транснациональные операции ячейки «Аль-Каиды».

Супертерроризм тоже не сводится к сетевым формам организации. Если для транснационального джихадистского движения, использующего брэнд «Аль-Каида», сетевые характеристики преобладают, то для группировки «Аум синреке», ответственной за супертеррористические акты с применением химического оружия в токийском метро в 1995 году, была характерна вертикальная иерархия.

Эти наблюдения ставят под сомнение жесткое противопоставление «старых» террористических организаций иерархического типа «новому» сетевому терроризму⁵. Сетевой характер отнюдь не является определяющим критерием «нового» терроризма. Принципиальное отличие супертерроризма от, например, терроризма, десятилетиями использовавшегося палестинскими, кашмирскими или тамильскими боевиками в локально-региональных конфликтах, состоит в *уровне и масштабе целей* террористической группировки. «Новый» терроризм ставит *неограниченные*, глобальные задачи. Цели «старых» террористических организаций, напротив, были *ограниченными* и не выходили за рамки локального региона.

Более того, в области организации речь идет скорее о параллелях, чем о различиях. Внедрение сетевых элементов дает преимущества группировкам обоих уровней. Если и существуют структурно-организационные различия между традиционным терроризмом и новейшими супертеррористическими сетями, то они состоят в *степени соотношения сетевых и иерархических элементов*. Для транснационального джихадистского движения с его глобальным охватом значение сетевых характеристик и моделей поведения значительно выше, чем для локальных группировок.

В-четвертых, дело не только в сетевом характере джихадистского движения. Если бы перед нами была типичная функционально-идеологическая антисистемная сеть наподобие сетевых организаций антиглобалистов, это было бы еще полбеды. Конечно, структуры, которым присущи сетевые характеристики, демонстрируют ряд преимуществ в противостоянии с более высокими по уровню, но менее гибкими государственными структурами. Однако главная сила террористических организаций «нового» типа заключается в отсутствии у них иерархии и ярко выраженного руководства (центрального ядра), что затрудняет, делает невозможным или бессмысленным его разгром.

Но у классических сетей есть серьезные структурные слабости. Это трудности с принятием и приведением в жизнь конкретных стратегических и военно-политических решений, а также невозможность жестко контролировать их соблюдение всеми сетевыми элементами. Неформальный, скрытый характер связей между элементами сети позволяет ей действовать эффективно лишь в определенных условиях – сама по себе сеть еще не предполагает наличия у ее участников устойчивых взаимных обязательств, даже несмотря на связывающую их идеологическую общность.

И все же при такой размытой структуре, отсутствии или неявно выраженном характере центрального руководства, неформальном характере сетевых связей совре-

менное джихадистское движение может действовать не просто эффективно, а порой действительно как единый организм.

2

Согласно теории «организационных сетей», структуру «Аль-Каиды» и более широкого джихадистского движения начала XXI в. можно представить как переходную форму от оформленной организации к аморфной, децентрализованной сети. Ее ячейки разделяют идеологию «Аль-Каиды» и используют ее название как брэнд, но не обязательно связаны с ней организационно. В такой структуре просматриваются признаки «сегментированной полицентричной идеологически интегрированной» сети (СПИН-структуры)⁶.

В этой схеме основным связующим началом является общая идеология, а само джихадистское движение интерпретируется как борьба за практическое воплощение идей глобального джихада. Однако постепенно даже среди сторонников такой интерпретации зрело понимание того, что джихадистское движение не сводится к *обезличенной функционально-идеологической сети* (типа движения антиглобалистов). С одной стороны, скрытый характер джихадистских ячеек сочетается с их связями в рамках децентрализованной сети. С другой стороны, на этот фактор накладывается их эффективная вооруженно-террористическая деятельность. В совокупности это дает более высокий уровень интеграции и доверия, чем тот, который могут обеспечить религиозно-идеологические воззрения, сформулированные лидерами джихадистов в общем виде.

На этом фоне у политологов усиливались сомнения в том, что на микроуровне отдельных ячеек общих религиозно-идеологических установок достаточно для того, чтобы обеспечить эффективность движения. Акцент на воинствующий исламизм как на единственную организующую силу джихадистского движения стал казаться ошибкой.

Одно из новых объяснений исходит из того, что отсутствие единого руководства,

характерное для транснациональной сети, заставляет активнее использовать консультативные и консенсусные механизмы принятия решений. Подобные подходы были характерны для доиерархических родо-племенных систем. В этом смысле показательна эволюция взглядов одного из исследователей сетей Дэвида Ронфелдта, который за сравнительно короткое время перешел от трактовки джихадистского движения как современной транснациональной сети к его характеристике как «глобального клана, ведущего сегментированную (сетевую) войну⁷». В рамках этой концепции «сетевого трайбализма» джихадистское движение стало рассматриваться как возрождение кланового традиционализма на новом уровне.

Клановая форма организации базируется на семейно-родственных отношениях, представлении об общем происхождении от мифологизированного и/или обожествляемого предка. В структурном плане кланы представляют собой эгалитарные, сегментарные объединения явных лидеров. В доиерархических кланах все решается консенсусом в результате консультаций, господствует чувство «коллективной ответственности» и внутриклановой солидарности, которое, однако, не распространяется на «чужаков». Противоречия и конфликты решаются путем компенсации или мести, а главной ценностью является не столько власть (как в иерархиях) или прибыль (как в рыночных формах организации), сколько честь и уважение со стороны членов своего клана⁸.

Концепция сетевого трайбализма делает упор на то, что джихадистские ячейки строятся не по принципу обезличенного сетевого структурирования, а на основе родственно-клановых отношений и — в первом приближении — во многом напоминают традиционную расширенную семью («кум, сват, брат»). Теории организационных и социальных сетей исходят из того, что кланы и сети имеют много общего (например, отсутствие формально институционализированной иерархии), однако они не идентичны.

Преимущество клановой модели перед сетевой (и это также отмечает Ронфелдт) состоит в том, что такие характеристики, как беспредельная преданность клану, разграничение между категориями «они» и «мы», месть как «естественная» форма насилия создают более благоприятные условия для религиозного экстремизма, чем стандартные сетевые условия. Религиозный фанатизм попросту прикрывает более глубокую «клановую (расовую) ненависть». Поэтому согласно этой версии, не религиозный экстремизм сам по себе, а именно лежащий в его основе трайбализм объясняет тотальный характер глобального джихада.

Хотя такая концепция имеет право на существование, отдельные элементы сетевого трайбализма просматриваются скорее на примере ряда этнополитических террористических группировок локально-регионального уровня. Для обществ с сильным влиянием клановых элементов — албанцы на Балканах, чеченцы и другие народы Северного Кавказа — этноклановый принцип может служить более эффективным инструментом мобилизации насилия (особенно на начальных этапах противостояния), чем религиозный импульс⁹. Однако сводить транснациональное джихадистское движение к сетевому трайбализму — архаичной, традиционалистской в своей основе структуре, базирующейся на клановых отношениях семейно-родственного типа, но умело использующей отдельные возможности современных «постмодернистских» сетевых форм организации — было бы упрощением.

Не признавая за общей идеологией роли основного связующего начала джихадистской вооруженно-террористической сети, сторонники теории сетевого трайбализма взывают к клановому началу как к более прочному фундаменту сетевых отношений. Утверждается даже, что в разновидности джихада, проповедуемой бен Ладеном и его последователями, больше от агрессивного трайбализма, чем от исламского экстремизма. Однако в такой оценке налицо другая крайность — недо-

оценка роли исламистской идеологии, которой отводится второстепенное место. Современные сети не просто предполагают, а требуют высокого уровня идеологической интеграции, тогда как клановые структуры даже не обязательно включают идеологических единомышленников — они основаны на узах иного типа.

В качестве аргумента в пользу сетевого трайбализма как организационной основы джихадистского движения приводится тот факт, что районами базирования руководства «Аль-Каиды» служили территории, где господствуют кланово-племенные отношения: контролируемые талибами районы Афганистана и «племенная зона» на северо-западе Пакистана. На это можно возразить, что руководство «Аль-Каиды» базировалось в Афганистане, а до этого в Судане не по причине большого влияния кланово-племенных отношений в этих регионах, а потому, что у власти в обеих странах находились радикально-исламистские режимы. Последние, кстати, носили надклановый или внеклановый характер. Более того, как раз в этих регионах джихадистскому движению нередко было труднее найти добровольцев для глобального джихада, чем, например, в мусульманских диаспорах в западных странах.

В целом упор на сетевой трайбализм представляет собой попытку искусственной архаизации джихадистского движения. Между тем, в отличие от классических кланов, современные транснациональные террористические сети не привязаны к какой-то конкретной, четко определенной территории. Ни Усама бен Ладен, ни его ближайшие сподвижники, ни наиболее активные лидеры джихадистов типа Абу Мусаба аз-Заркауи¹⁰ не напоминают клановых шейхов — скорее, это современные сетевые духовно-идеологические лидеры. Не является исключительной прерогативой традиционалистских кланов и так называемая сегментированная война — ее с успехом ведут и современные обезличенные функционально-идеологические сети (например, радикально-экологического толка).

Создается впечатление, что попытки свести джихадистское движение к сетевому трайбализму продиктованы политическими императивами и опытом западных интервенций в Афганистане и Ираке. На фоне явного перебора с антиисламской риторикой в США после 11 сентября 2001 года, обострения и ухудшения отношений с исламским миром (особенно в свете войны в Ираке), в части американского экспертного сообщества назревают настроения в пользу именно такого подхода. Предпринимается попытка «подменить» угрозу исламского экстремизма угрозой кланового атактивизма и списать терроризм на влияние варварского, допотопного трайбализма.

Этим духом проникнуты рекомендации теоретиков сетевого трайбализма, которые предлагают максимально разграничить стратегию противодействия «вооруженному исламу» и стратегию противостояния «клановому экстремизму». Между тем, *наиболее активные джихадисты не племенные вожди, а образованные мусульмане* — студенты и представители среднего класса. Угроза западному миру исходит не столько из отсталых обществ с кланово-племенными пережитками, сколько из стран, переживающих травматическую модернизацию (классическим, но далеко не единственным примером здесь выступает Саудовская Аравия), а также из мусульманских диаспор в самих западных странах.

З

Одних сетевых характеристик недостаточно для организации эффективного сопротивления на уровне глобального джихада. Нельзя признать удовлетворительной и попытку пересмотра сетевой теории организации джихадистского движения в рамках концепции сетевого трайбализма. Джихадистское движение, несмотря на преобладание сетевых характеристик, демонстрирует наличие некоторых элементов иерархии (например, присутствие лидеров — пусть и не в классическом смысле слова). Но даже такая гибридная фор-

ма, позволяющая сетевым и иерархическим элементам в определенной мере компенсировать слабые стороны друг друга, не дает исчерпывающего объяснения тому факту, что автономные ячейки весьма эффективно осуществляют стратегические установки идеологов движения.

Не вполне подходит и концепция «сопротивления без лидеров» (leaderless resistance), сформулированная в 1980-е — 1990-е годы американским правым экстремистом Луисом Бимом. Такое «безлидерское» сопротивление, отличающее многие акции экстремистов ультраправого, радикально-экологического и прочего толка, по определению нестабильно и не обязательно эффективно. Часто оно является вынужденным, последним средством поддержать террористическую активность в отсутствие сколько-нибудь существенной общественной поддержки радикальной политической программы и может деградировать до спорадических актов насилия анархистского типа¹¹ (еще в XIX в. получивших название «безмотивного террора»). Тем не менее, без централизованной системы управления и контроля единство действий террористических организаций транснационального джихада существует. Используя терминологию российских террористов конца XIX — начала XX веков, можно сказать, что это движение не вырождается в «разлитый» террор.

Ряд ученых указывают на специфические характеристики гибридных террористических групп (иерархизированных сетей), которые не присущи ни сетям, ни иерархиям в чистом виде¹². К таким признакам относится эффективная координация низовых автономных ячеек на уровне самых общих стратегических целей, которая не требует постоянного централизованного контроля и взаимных договоренностей.

Из других специфических характеристик чаще упоминается наличие особого типа горизонтальных и вертикальных связей, для которых характерно отсутствие постоянной коммуникации не только ме-

жду ячейками одного уровня, но и между разными уровнями сети. По мере надобности эти связи могут активироваться — например, для проведения конкретной террористической операции. Для такого типа взаимодействия, конечно, требуется глубокая приверженность участников движения общим идеологическим целям. Идеология либо сама содержит четкие инструкции к определенным действиям, либо позволяет сформулировать стратегические цели таким образом, чтобы их можно было осуществлять разными способами и в разных условиях. Причем эти промежуточные задачи должны быть направлены на достижение единой цели.

Для ведения вооруженной борьбы на долгосрочной основе (вне зависимости от района операций) необходим также высокий уровень взаимных социальных обязательств. Обеспечить его не может ни сетевая, ни гибридная структура. Чем более широким набором сетевых признаков обладает гибридная организация, тем выше для нее значение социального содержания. Для эффективного функционирования сети требуется более высокий уровень межличностного доверия, чем для иерархии. При этом попытки укрепить сеть с помощью формальных структурных методов могут ослабить ее ключевые преимущества.

Лидеры и рядовые участники транснационального джихадистского движения вряд ли напрямую задавались вопросом о том, как нейтрализовать недостатки сетевой структуры, не потеряв ее основных преимуществ. Скорее, на практике сложилась система, для которой характерен более высокий уровень взаимных социальных обязательств, чем для стандартной функционально-идеологической сети. Определить этот уровень взаимных обязательств невозможно без обращения к теории «социальных сетей».

Действительно, джихадистов объединяет не только абстрактная идеологическая близость и ощущение принадлежности к одной сети. Помимо сетевых взаимосвязей «обезличенного» типа, члены той или

иной джихадистской ячейки, как правило, связаны между собой тесными личными отношениями, часто сложившимися до их вливания в джихадистское движение. Однако приоритет здесь все же имеют не столько кланово-родственные отношения, сколько дружеские связи, отношения землячества, совместно приобретенный опыт (причем не только в религиозных училищах и кружках, но и в светских университетах). Речь, скорее, идет о группе близких друзей, об ассоциации, братстве единомышленников. По данным американского психолога и социолога М. Сэйджмана, на первом этапе своего исследования обобщившего информацию о 150 активных участниках джихадистского движения, дружеские связи сыграли важную роль для вступления в джихад 68% джихадистов. Большинство из них вступили в джихад не по одиночке, а в составе группы друзей-единомышленников. Родственные связи (родные или двоюродные братья, свояки или целые расширенные семьи) сыграли аналогичную роль всего для 14% джихадистов¹³.

Участниками джихадистского движения, особенно в мусульманских диаспорах на Западе, реже становились люди, тесно интегрированные в более архаичные структуры — кланы. Напротив, радикализация и стремление найти новую «фиктивную» семью в виде джихадистской ячейки часто обострялись после резкого социально-культурного сдвига (смены страны пребывания, привычного круга общения). Особенно благодатная почва для формирования современных джихадистов складывалась в:

- зонах тесного и часто болезненного контакта с иноверцами (прежде всего с Западом);
- мусульманских диаспорах в западных странах;
- некоторых зонах расширенного экономического, военно-политического и культурного присутствия Запада в мусульманских странах.

Условно говоря, группа близких друг другу мусульман (как правило, на чужби-

не), связанных тесными дружескими или родственными отношениями¹⁴ (земляки, товарищи по университету, коллеги, дворянские братья, свояки и т.п.), посещают мечеть, совместно снимают жилье или просто регулярно собираются вместе. С равным успехом это может происходить как в одном из британских городков, так и, например, где-нибудь в Касабланке, где майские взрывы 2003 г. были совершены джихадистами, в буквальном смысле слова выросшими на одной улице. Это могут быть как друзья детства, так и друзья, приобретенные уже на чужбине — обычно в местах наиболее тесного общения с земляками и единоверцами (чаще всего в мечетях, хотя и не обязательно радикального толка). Постепенно такая группа друзей (в среднем в составе 8–10 человек) интегрируется на основе обостренного чувства отчуждения от окружающего их общества, затем политизируется и радикализуется на базе антизападной исламистской идеологии. На каком-то этапе подобная группа приходит к идее о бесполезности «пустых разговоров» и необходимости перехода к «пропаганде действием». После чего участники кружка часто перестают посещать мечеть и начинают активно искать контакты с действующими участниками (ветеранами) джихадистского движения, а также способы и средства организовать теракт или серию терактов.

В отличие от участников антисоветского джихада в Афганистане 1980-х гг. джихадисты начала XXI в. зачастую становятся, таким образом, соратниками не в ходе джихада, а гораздо раньше. Сначала они формируют узкую группу, спаянную тесными дружескими отношениями, а уже потом (чаще всего группой) вступают в джихад. Обычно это происходит после контакта группы с одним из действующих джихадистов, причем часто по инициативе самой группы. Если первый контакт оказывается удачным, счастливых «соискателей» допускают к дальнейшей селекции, проходящей в ходе дополнительной подготовки в одном из специальных лаге-

рей. Желających вступить в джихад оказывается больше, чем требуется.

Пополнение рядов идет не столько по принципу длительного целевого «промыывания мозгов» и рекрутирования новых «адептов», сколько путем селекции добровольцев, жаждущих вступления. Рассредоточенное руководство движения — сознательно или неосознанно — избрало эффективную экономичную стратегию. Не растрачивая большие суммы на масштабные программы по рекрутированию джихадистов (средства саудовского, американского и иного происхождения в годы антисоветского джихада в Афганистане), оно тратит львиную долю своих ресурсов и усилий на максимальную широкую популяризацию идеологии, очевидно, полагая, что в добровольцах недостатка не будет.

В целом, большая роль дружеских и иных социальных связей в формировании джихадистских ячеек облегчает не только процесс пополнения и воспроизводства структуры глобального джихада, но и непосредственную деятельность ячеек этого движения, включая проведение ими террористических операций.

* * *

Транснациональное джихадистское движение предстает перед нами не стандартной функционально-идеологической сетью, а разноуровневой структурой гибридного типа. Обладая основными сетевыми и некоторыми размытыми иерархическими признаками, она демонстрирует ряд специфических характеристик, не свойственных ни сетям, ни иерархиям. Наряду с исламистской идеологией джихадистского типа на макроуровне эффективная координация действий — в соответствии с общими целями и стратегическими установками — обеспечивается высоким уровнем взаимных социально-личных обязательств в отдельных джихадистских ячейках. Последние сформированы не столько на традиционалистской клановой основе, сколько по принципу ассоциации/братства друзей-единомышленников.

Примечания

¹ *M. Castells*. End of Millenium. Vol. III. 2nd ed. Oxford: Blackwell, 2000 (русск. пер.: *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: Высшая школа экономики, 2000); *J. Arquilla, D. Ronfeldt*. Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy. Santa Monica (Calif.): RAND, 2001; *J. Arquilla, D. Ronfeldt*. Netwar Revisited: The Fight for the Future Continues // *Low Intensity Conflict and Law Enforcement*. 2002. Vol. 11. No 2/3. P. 178–189.

² См., например: *Networks and Organizations: Structure, Form and Action* / N. Nohria and R.G. Eccles (eds.). Boston: Harvard Business School Press, 1992.

³ Следует также различать межорганизационную «сеть» и «организацию», в которой сеть может служить одним из принципов внутриорганизационного структурирования.

⁴ Одним из первых примеров широкомасштабных протестных акций сетевой типа стало выступление антиглобалистов в ходе так называемой битвы за Сизтл во время саммита Всемирной торговой организации в декабре 1999 года, объединившее до 40 тысяч человек.

⁵ *B. Hoffman et al.* Countering the New Terrorism. Santa Monica (Calif.): RAND, 1999; *R. Gunaratna*. Inside AlQaeda: Global Network of Terror. New York: Columbia University Press, 2002.

⁶ Концепция СПИН-структуры выдвинута американским антропологом и социологом Лютером Герлахом совместно с социологом Вирджинией Хайн в начале 1970-х на основе исследований общественных организаций и движений социального протеста в США в 1960-е – 1970-е годы. Сегментированный характер СПИН-структуры означает, что она состоит из многих ячеек, ее полицентричность подразумевает наличие ряда лидеров и центров. Ее характеристика как сети означает, что различные сегменты, лидеры и центры интегрированы в сетевую структуру посредством структурных, личных и идеологических связей. Такую сегментированную полицентричную идеологически интегрированную сетевую структуру отличает высокий уровень структурной гибкости и адаптивности (приспособляемости). Использование СПИН-структуры позволяет, в частности, движениям социального протеста эффективно противостоять мерам подавления со стороны государства, проникать в различные слои общества и оперативно приспосабливаться к быстро меняющимся условиям. Подробнее см.: *L. Gerlach, V. Hine*. People, Power,

Change: Movements of Social Transformation. New York: The Bobbs-Merrill Co., 1970; *L. P. Gerlach*. Protest Movements and the Construction of Risk // *The Social and Cultural Construction of Risk* / V. Johnson and V. T. Covello (eds.). Boston: D. Reidel Pub. Co., 1987. P. 103–145.

⁷ *D. Ronfeldt*. Al Qaeda and Its Affiliates: A Global Tribe Waging Segmental Warfare? // *First Monday*. 2005. February.

⁸ Подробнее о клане как особой организационной форме см., например: *W.G. Ouchi*. Markets, Bureaucracies and Clans // *Administrative Science Quarterly*. 1980. Vol. 25. P. 129–141.

⁹ Впрочем, и вооруженные сепаратистские движения в обоих регионах являются скорее проявлениями и продуктами искаженных, или травматических, модернизационных процессов, чем реликтами традиционализма.

¹⁰ Абу Мусаб аз-Заркауи (настоящее имя, предположительно, Ахмад Фадиль аль-Назал аль-Кхалалех) – иорданец, основатель и лидер исламистской группировки джихадистского типа «Единобожие и джихад». Аз-Заркауи считается одним из наиболее близких к «Аль-Каиде» и основных координаторов джихадистской активности, в том числе террористической, в послевоенном Ираке. С 2004 г. его группировка, особенно в американских источниках, также часто фигурирует под названием «Каидат аль-Джихад фи Билад аль-Рафидайн» – «Аль-Каида в стране двух рек» (а именно, Тигра и Евфрата, т.е. в Ираке).

¹¹ См., например: *S.L. Garfinkel*. Leaderless Resistance Today // *First Monday*. 2003. February.

¹² О внесетевой и внеиерархической организационной специфике современного терроризма см., в том числе: *R. Mayntz*. Organizational Forms of Terrorism: Hierarchy, Network or a Type Sui Generis? / Max Planck Institute for the Study of Societies (MPPIG). Discussion Paper 04/4. Cologne, 2004.

¹³ *M. Sageman*. Understanding Terror Networks. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004. Учитывая, что для некоторых джихадистов были актуальны как дружеские, так и родственные связи, в совокупности и те, и другие сыграли свою роль во вступлении в джихад для 75% джихадистов. Эти данные подтвердили и последующие исследования информации об уже около 400 участниках джихадистского движения.

¹⁴ Иногда дружеские отношения закреплялись родственными (например, женитьбой на сестре товарища по группе и т. п.).